

«СЦЕНА ИЗ ФАУСТА» А. С. ПУШКИНА

У статті аналізується Пушкін, просліджується вплив Гете на творчість поета, наголошується взаємозв'язок почуттів і переживань двох поетів та віддзеркалення їх в поезії.

В статтє аналізується Пушкін, просліджується вплив Гете на творчість поета, отмечается взаимосвязь чувств и переживаний двух поэтов и отражение их в поэзии.

«The scene from Faust» by A.Pushkin is analyzed in the article, the influence of Goethe's works upon Pushkin's poetry is retraced, the interdependence (correlation) of feelings and emotions of both poets and their reflection in their poetry is marked.

«Сцена из Фауста» Пушкина продолжает оставаться белым пятном в его творчестве, хотя принадлежит к шедеврам пушкинской поэзии. Белинский не случайно назвал «Сцену из Фауста» «дивно художественной». А это «дивно художественное» творение даже не включено в издание «Стихотворений. Поэм. Сказок» Пушкина в серии всемирной литературы (1977 год), в редакционный совет которого входили все видные писатели и поэты того времени, а вступительная статья и примечания принадлежат известному пушкиноведу Благому. Такое пренебрежение к данному произведению трудно понять, но оно существует и поныне. И хотя оно включено в десятитомное собрание сочинений Пушкина 1974-1978 годов, примечания к нему поверхностные. Впрочем, приведем их дословно: «Стихотворение выражает глубокое разочарование в науке, в славе, в любви. Напечатанное Пушкиным первоначально под заглавием «Новая сцена из Фауста», оно вполне оригинально, хотя и использует образы трагедии Гете (Мефистофель, Фауст, Гретхен)» [1 (9: 553)]. Единственное достоинство этих примечаний – слова о том, что это самостоятельное произведение Пушкина. В целом же они не только не способствуют постижению смысла этого произведения, его текста и подтекста, а, наоборот, уведут от истины. Она же, на наш взгляд, такова, что на определенном этапе поэт подверг свою жизнь самому строгому суду – суду своей совести, что подтверждается и его письмами. В частности, в письме к Вяземскому в ноябре 1824 года поэт пишет: «В 1820 г. переписал я свое вранье и намерен был издать его по подписке...» [1 (9: 116)]. Это внутреннее очищение способствовало определению дальнейшей жизни путника, вновь почувствовавшего «...и силу и радость:// В крови заиграла воскресшая младость:// Святые восторги наполнили грудь:// И с богом он далее пускается в путь» [1 (1: 252)]. На ближайшем отрезке дальнейшего пути и была написана «Сцена из Фауста». По форме в этом произведении можно усмотреть миниатюру «Фауста», по содержанию же это абсолютно самостоятельное произведение. Впору заметить, что Белинский назвал «Фауста» Гете лирическим произведением в драматической форме. Таковым является и произведение Пушкина. Но если в «Фаусте» отображена внутренняя жизнь Гете в ее взаимодействии с внешним миром на протяжении почти всей его жизни, то в «Сцене из Фауста» отображена вну-

трения жизнь Пушкина на определенном этапе жизни. Здесь необходимо заметить, что своеобразие Пушкина предстанет перед читателем во всей своей полноте лишь при условии четкого представления о «Фаусте» Гете, и тогда в первой же фразе, произнесенной в «Сцене» Фаустом, нетрудно будет узнать Пушкина:

Фауст
Мне скучно, бес.
Мефистофель
что делать, Фауст?

Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная сучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет-
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты [1 (2: 43)].

Фаусту в трагедии Гете, как и самому поэту, скука не присуща. Скука – характерное душевное состояние поэта в пору пребывания в Михайловском, о чем говорят его письма того времени. «О моем житье-бытье ничего тебе не скажу – скучно», – пишет он в письме к Вяземскому [1 (9: 105)]. И к его жене В. Ф. Вяземской спустя пару недель: «Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каковы ни на есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей мое нелепое существование» [1 (9: 107)]. К брату Льву из Тригорского: «Я ревную и браню тебя – скука смертная везде» [1 (9: 110)]. В письме к Шварцу в декабре 1824 года: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала Татьяны; вы кажется, раз ее видели, она единственная моя подруга – и с ней только мне не скучно» [1 (9: 120)]. В письме к Анне Н. Вульф: «Вчера мы с Алексеем проговорили 4 часа подряд... Угадайте, что нас вдруг так сблизило. Скука? Сродство чувства? Не знаю» [1 (9: 160)].

Первый обмен репликами можно рассматривать как завязку к последующей сцене, из которой нетрудно понять, что не скука занимала поэта, поскольку скука – отдохновение души, а что-то иное:

Фауст
Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет –
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...
Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда, ль? Но нельзя, ль узнать
Кого изволишь помянуть,
Не Гретхен ли?
Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там – где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи –
Там, на груди ее прелестной
Покою томную главу,
Я счастлив был... [1 (2: 44-45)]

Содержание первых трех стихов напоминает Фауста Гете, поскольку сам Пушкин стремился «в просвещении стать с веком наравне». Но слава, о которой говорится в следующем стихе, Фауста Гете никогда не привлекала, она прельщала юного Пушкина, однако недолго. В стихотворении «Чаадаеву» она уже была «предметом заботы малой». Главное в словах Фауста – «благо сочетанья двух душ». Это, между прочим, мысль Гете, но не из «Фауста», а из «Поэзии и правды». Она была высказана в связи с его страстью к Гретхен: «Ничто так не сближает молодую чету, гармонически созданную друг для друга природой, как любознательность девушки и готовность юноши поделиться с нею своими знаниями. Отсюда возникает глубокая и радостная связь: она видит в нем творца своего духовного мира, он же в ней – создание, обязанное своим совершенством не природе, не случаю и не одному лишь чувственному влечению, а их обоюдной воле. Такое взаимное воздействие двух душ полно неизъяснимой сладостности, и никого уже не удивляет со времен старого и нового Абельяра, что такие встречи двух существ порождают величайшую страсть, которая приносит столько же счастья, сколько и горя» [2: 157]. Что мысль Пушкина о прямом благе является отзвуком мысли Гете, подтверждается и репликой Мефистофеля, не Гретхен ли он изволит помянуть. В следующем затем монологе Фауста воспроизведены чувства и связанные с ними обстоятельства самого Пушкина. Анализ этого произведения приводит к убеждению, что Пушкин не только стремился, но и был в знании с веком наравне, что он был не только хорошо знаком с творчеством Гете, но и проник в суть образа Маргариты в «Фаусте» Гете, наконец, что у него была своя мучительная страсть, своя Гретхен.

С Гретхен (полное имя – Маргарита) у Гете связана величайшая страсть, следствием ее явилась тяжкая болезнь, телесная и духовная. «Разум повелевал мне забыть ее, – признается Гете. – Но ее образ!.. Ее образ уличал меня во лжи всякий раз, как вставал передо мной, что, надо признаться, случалось еще довольно часто». [2: 185] В этой страсти вся тяжесть разрыва пришлась на душу юного Гете. Но в его жизни имела место и другая страсть, в которой тяжесть развязки легла на плечи женщины. Это история его счастливой и ответной любви к Фридерике, неожиданно им покинутой. Последствия подобной развязки и запечатлены в трагедии в образе Маргариты, представляющем собой усложненный и переосмысленный образ Фридерики. В поисках выхода из столь тягостного состояния собственной души Гете, по старому своему обыкновению, обратился к поэзии «и взялся за продолжение поэтической исповеди, чтобы путем этой мучительной

епитимьи, добровольно на себя наложенной, стать достойным внутреннего отпущения грехов. Обе Марии в «Геце фон Берлихингене» и в «Клавиге», так же как отрицательные типы – их возлюбленные, явились результатом моих покаянных дум». [2, 439] Но кто же стоит за образом Гретхен у Пушкина, кто был истинной причиной его душевной боли и страданий? Из приведенных выше последних строк совершенно очевидно, что трагедия относится не к давно минувшим дням, а к вчерашним. Поскольку Пушкин, как и Гете, стремился все его занимавшее воплотить в образы или изложить на бумаге, ответ следует искать в его произведениях. В перечне произведений 1824 года привлекает внимание стихотворение «Все кончено: меж нами связи нет», которое и есть, на наш взгляд, не что иное, как запечатленная трагедия души:

Все кончено: меж нами связи нет.
В последний раз, обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Все кончено – я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее, быть может, позабуду –
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты [1 (1: 222)].

Достоин внимания, что в примечаниях это стихотворение вообще не упоминается, то есть пушкиноведы оставили его без внимания. Но что это финал отношений поэта, вылившихся в трагедию, не вызывает сомнений. Перечень произведений 1825 года открывает «Сожженное письмо», выражающее те же мысли, те же чувства и те же муки:

Прощай, письмо любви! Прощай: она велела.
Как долго медлил я! Как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листья твои приемлет..
Минуту!.. вспыхнули! Пылают – легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатленья,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листья;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди... [1 (2: 7)]

Ничего безотраднее вообразить невозможно. Ничего подобного мы больше не встретим у Пушкина. В этих строках в полной мере проявилась пушкинская неповторимость мыслить в стихах. Произведение в целом вызывает ощущение, что мысль и действие здесь неразделимы, что поэт последовательно, не осознавая творимого запечатлел все на бумаге, в деталях, зрительно воспроизводимых и внутренне ощущаемых. Все произведе-

ние – неповторимое поэтическое воплощение происходившего в душе в момент пребывания в стрессе. В примечаниях к данному стихотворению сообщается, что письмо было написано Е. К. Воронцовой. Думается, что взаимосвязь этих двух произведений Пушкина ни у кого не вызовет сомнений, как и то, что продолжением темы является стихотворение «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...», созданное в том же 1824 году:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она,
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.
.....
.....
.....
Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен;
.....
Но если [1 (1: 245)]

Общее впечатление от этих строк, что поэт вышел из душевной комы, но ничто вокруг его не радует, все раздражает, давит и угнетает. Единственное, что согревает его, это мысли о ней, которую он видит в ином свете. И мысли эти говорят о том, что поэт не утратил ни веры, ни надежды, ни любви. Удивляет огромная сила воли поэта, позволившая после таких переживаний создать вскоре истинно художественные «Подражания Корану», а за ними «Сцену из Фауста». Но поскольку в это же время он не только вынашивал идеи, но уже и опубликовал две первые главы из «Евгения Онегина», напрашивается мысль о том, что его мучительная страсть неизбежно должна хоть как-то отразиться и в этом произведении, осмысленная применительно к особенностям его времени и к замыслу романа. Размышления над романом склоняют к выводу, что за поэтическими письмами Онегина к Татьяне и Татьяны к Онегину лежит реальный факт обмена письмами между Пушкиным и Воронцовой. Мы не знаем содержания самого сожженного письма, но главное, что не вызывает сомнений, была в нем мысль, ставшая для поэта приговором – «Но я другому отдана;/Я буду век ему верна». [1 (4: 160)] «Сожженное письмо» можно себе представить как развязку мучительной страсти между Воронцовой

и Пушкиным. В то же время нельзя не заметить, что нижеследующие строки письма Онегина к Татьяне повторяют содержание стихотворения «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»:

Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать – и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!.. [1 (4: 154)]

Что здесь отражены чувства поэта к Воронцовой не вызывает сомнений. Но в связи с этим невозможно пройти и мимо факта, что Воронцова была замужней женщиной, тогда как Татьяна при первой встрече с ней в романе была

Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой. [1 (4: 40)]

Это несоответствие убеждает в том, что в жизни поэта имело место еще одна страсть, также оставившая неизгладимый след в душе. В этом убеждает и письмо Пушкина к Собаньской от 2 февраля 1830 года, в котором он пишет: «Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни.

Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами – всякая другая забота с моей стороны – заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется все бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму (?). Там смогу совершать я паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...» [1 (9: 288)]. В «Примечаниях» сообщается, что поэт увлеклся Собаньской в 1821-1823 годы. К такому заключению склоняет также письмо Пушкина к Раевскому от 15-22 октября 1823 года, в котором поэт пишет: «Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно, я еще не мог пустить в ход ваше письмо; во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабела, а тем временем я успел влюбиться в другую, я раздумал» [1 (9: 71)]. Другой, как показано выше, была Воронцова. Здесь возникает невольный вопрос, могла ли встреча с Собаньской и столь длительное увлечение ею не отразиться в его поэзии? – Скорее всего – нет. Из общего перечня стихотворений 1821 года выделяется «Дева», в двух последних стихах которого можно легко представить пушкинскую Татьяну

Я говорил тебе; страшился девы милой!

Я знал, она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг! Я знал, нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи потупив, не внемлет и не видит. [1 (1: 148)]

Скорее всего ее образ и послужил прообразом юной Татьяны. Чьи черты в Татьяне преобладают, установить невозможно, да и не столь важно. Важно другое, что в ней читатели видели идеал поэта и не подозревали о том, что у Пушкина, как и у Гете, в образе Гретхен отражены две мучившие его страсти, с которыми были связаны горести и радости, счастье и несчастье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 томах. - М., 1974-1978. Т. 9 М., 1977, с. 553.
2. Гёте И. В. Собр. соч. в 10 томах. – М., 1975-1980. – Т. 3. – М., 1976, – С. 157.